

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Когда боги смеются / Александра Маринина. —
Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (А. Маринина.
Меньше, чем спец.цена).

ISBN 978-5-699-88706-4

Приходя в ночной клуб, чтобы весело провести время и послушать выступление популярной рок-группы, посетители не догадывались, что среди них находится настоящий фанат солистки Светланы Медведевой, который безжалостно убивает каждого, кто критикует певицу. После убийства фанат пишет письма своему кумиру, но получает эти письма совсем другой человек...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88706-4

© Алексеева М.А., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Мы никогда не выигрываем. Иногда нам это кажется, но такова маленькая любезность, которой порой удостаивают нас боги.

*Джек Лондон.
«Когда боги смеются»*

Глава 1

Войдя с уличной духоты в сумрачную прохладу подъезда, Ольга невольно улыбнулась. Впрочем, она всегда улыбалась именно здесь, на ступеньках, ведущих к лифту. Потому что именно на этом месте ей в голову приходила одна и та же мысль: как хорошо, что есть место, куда она идет с удовольствием. Как хорошо, что на свете существует человек, с которым ей невозможно поссориться ни при каких обстоятельствах. Человек, который не обманет ее и не предаст. Человек, с которым, как выяснилось, она не может расстаться.

Едва распахнув дверь, Ольга крикнула:

— Ты дома?

— Всенепременно! — донесся голос Павла. — А ты почему так рано?

Скинув босоножки на высокой шпильке, она босиком прошла в комнату, на ходу снимая черную трикотажную блузку и узкую длинную юбку.

— Пашка, ты знаешь, что такое женское счастье?

Павел заглянул в комнату и остановился на пороге, чуть насмешливо глядя на нее.

— Догадываюсь.

— Не догадываешься. Женское счастье — это удачно купленное белье. А что такое женское несчастье?

— Вероятно, белье, купленное неудачно. Угадал?

— Умница.

Она швырнула одежду на кресло и взяла легкий шелковый халатик. Павел привычно отвернулся, но из ком-

наты не вышел. Они не особенно стеснялись друг друга, но определенные приличия оба все-таки соблюдали.

— Такой идиотизм! — весело продолжала Ольга, раздеваясь догола. — Помнишь белье, которое мы с тобой вместе покупали в Барселоне? Оно было изумительно красивым на вид, я его сегодня надела, а оказалось, что кружево такое кусачее — ужас! Вместо того чтобы принимать эротические позы и соблазнять своего ненаглядного, я ерзала и выбирала удобный момент, чтобы почесаться. В результате сегодняшняя лав стори оказалась скомканной, пришлось сказать, что у меня разболелась голова, и постыдно ретироваться с поля сексуальной битвы. Вот черт, — она быстро оглядела себя в зеркале, — теперь на бедре раздражение, и на груди тоже. Надо же, как не повезло. Не смогу носить такую красоту. Вот это и есть женское несчастье.

Она запахнула халат и завязала на талии поясок.

— Все, можешь повернуться. Кстати, ты же собирался сегодня на какую-то гулянку. Отменилось?

Павел подошел к дивану и с размаху упал на него, высоко задрал ноги.

— А я сегодня обломался. Моя красоточка получила сигнал о несвоевременном возвращении драгоценного супруга и сочла за благо не рисковать понапрасну. Жизнь длинная, еще нагуляемся. Слушай, пойдем куда-нибудь поужинаем, а? Меня гнетет нерастраченный донжуанский запал. Хоть за тобой поухаживаю.

Ольга осторожно прикоснулась пальцами к тем местам на бедрах и груди, где все еще чувствовала зуд, и покачала головой.

— Мне, наверное, до завтра лучше не одеваться, — с сомнением произнесла она. — В холодильнике полно еды, зачем идти куда-то?

— Да ну тебя, — огорченно протянул Павел, — у меня романтический порыв, а ты весь праздник испортила.

— Не канючь, это не я праздник испортила, а белье, которое мы покупали вместе, стало быть, ответственность пополам. Насколько я помню, в том магазинчике

именно ты обратил внимание на этот гарнитур, так что пожинай плоды. Подвинься, я прилягу.

Павел подвинулся на широком диване, освобождая ей место.

— Ладно, уговорила, остаемся дома. Лёлька, ты не забыла о дне рождения моей маменьки? Катастрофа приближается, осталось всего пять дней. Что дарить-то?

Да, это проблема. Мать Павла относилась к подаркам трепетно, сама дарила их с удовольствием, долго и тщательно продумывая и выбирая, но и требовала такого же отношения к себе самой. Каждый год эта проблема вставала в полный рост, каждый год как-то решалась, но и точно так же с каждым годом делалась все труднее. Повторяться было нельзя. И разумеется, ни в коем случае нельзя было согласовывать подарок с самой именинницей. Подарок должен быть сюрпризом, это даже не обсуждалось. Так было заведено в семье Павла испокон века.

— Давай думать, — вздохнула Ольга, вытягиваясь на диване, — и вспоминать. Вечернее платье?

— Мы ей привозили из Бельгии.

— Ах да, я забыла. Напольная ваза?

— Из Англии, на пятьдесят пять лет.

— Верно, теперь вспомнила. Брошь?

— Оттуда же.

— Может, сумочку и перчатки из хорошей кожи?

— Лёлька, возьми себя в руки! У тебя совсем память отшибло? Мы же ей это дарили на прошлый день рождения.

— Извини, — пробормотала она, устраиваясь поуютнее рядом с ним, — я так устала, меня в сон клонит, я совсем ничего не соображаю.

Павел привстал и принялся тормошить ее за плечи.

— Не спи! Сейчас только девять часов, если ты уснешь, то опять поднимешься в пять утра и будешь колотить по квартире. Открывай глаза, а то холодной водой оболью. Ну Лёлька же!

Внезапно Ольга вскочила, глаза ее радостно сверкнули.

— Есть! Помнишь, когда мы были в Греции, мы видели в книжном магазине потрясающее подарочное изда-

ние об Иерусалиме? Огромный фолиант, текст на английском и греческом и куча иллюстраций, даже лупа прилагается, чтобы детали рассматривать. И цена пристойная, если перевести из драхм на понятную валюту, то получается около тридцати долларов. Такое не стыдно подарить.

— Ты предлагаешь смотаться за подарком в Афины? — скептически усмехнулся Павел. — Одни билеты встанут как двадцать таких подарков, хотя, конечно, ради родной матушки...

— Балда, — засмеялась Ольга, — Лариса сейчас в Афинах, возвращается через два дня. Если нам удастся ее отловить по телефону, то проблему мы, считай, решили. И мы, таким образом, плавно подведем семейную общественность к следующему дню рождения. Ну скажи, что я не гений, вот только попробуй скажи, я тебе ухо откушу.

— Ты гений, — очень серьезно ответил Павел, целуя ей руку. — И что бы я без тебя делал?

В этом году матери Павла исполнилось пятьдесят девять лет, а на шестидесятилетие он задумал подарить ей поездку в Израиль, где у Елены Федоровны было множество друзей, с которыми ей давно хотелось повидаться. Финансовые возможности для такой поездки у матери были, но она, как часто бывает, все время откладывала вояж, находя, что есть дела поважнее, чем посещение друзей. Работа, муж, дети, внучка, дача, две собаки — все это требовало ее неусыпного внимания и никак не могло обойтись без ее участия. Насколько помнила Ольга, разговоры о поездке в Израиль велись на протяжении последних как минимум десяти лет, Елена Федоровна регулярно созванивалась со своими друзьями в Иерусалиме и Тель-Авиве, но поехать так и не собралась. А вот если положить перед ней билеты и паспорт с уже оформленной визой, тогда совсем другое дело. Елена Федоровна с уважением относилась к усилиям, затрачиваемым ради нее другими людьми. В такой ситуации она поехала бы, даже если бы ей там совершенно нечего было делать.

Ольга легко соскочила с дивана, на котором еще две минуты назад едва не заснула, и кинулась искать запис-

ную книжку с номером телефона приятельницы. Ей повезло, Лариса не расставалась с мобильным телефоном даже в ванной, где, собственно, и застал ее звонок Ольги.

— Ты не помнишь, в каком магазине ты видела книгу? — спросила она деловито.

— На центральной улице, магазин Патакиса.

— Найду, — пообещала Лариса.

— Когда ты прилетаешь?

— В субботу.

— Мы с Пашей тебя встретим.

Повесив трубку, Ольга облегченно вздохнула:

— Ну вот, проблема решена. А ты боялся!

Она снова подошла к зеркалу и, горестно покачивая головой, приподняла полу халата, чтобы еще раз полюбоваться следами неудавшегося любовного свидания.

— Ну почему мне так не везет! — простонала она, проводя пальцами по раздраженной коже.

Павел тоже встал и сладко потянулся.

— Да брось, Лёлька, к утру будешь как новенькая. Что у тебя на службе хорошего?

Ольга скорчила страшную мину и вытянула вперед руки со скрюченными пальцами.

— Праздник идет в наш кишлак, — протянула она загробным голосом. — К нам едет ревизор. По-нынешнему — аудитор. Народ подпрыгивает от страха.

— А ты?

— А я нет.

— Ты же зам главного бухгалтера, неужели не боишься?

— В том-то и дело, Павлуша, что я зам главного бухгалтера. Только главбух и я знаем, что у нас все в порядке, поэтому бояться нечего. А все остальные — они же в бухгалтерии ничего не понимают, им всем кажется, что у нас обязательно что-то нароют. Даже генеральный с лица сбледнул, по десять раз на день дергает нас и спрашивает, готовы ли мы к проверке. Всё, я проснулась окончательно. Пошли ужинать.

Ольга быстро приготовила еду и накрыла на стол,

она двигалась легко и ловко, и Павел невольно залюбовался ее гибкой изящной фигурой.

— Что будем с отпуском делать? — спросил он, закончив есть и заваривая чай. — У меня сентябрь и кусочек августа.

— А у меня, наоборот, весь август и кусочек сентября, — откликнулась Ольга. — Две недельки выкроим, чтобы съездить куда-нибудь вместе, а остальное — по личному плану. У тебя есть конкретные предложения?

— Конкретных нет, но поплавать хочется и на песочке поваляться, кости погреть.

— Тогда Испания отпадает, эта страна — для активного отдыха, там не поваляешься, пляжи хуже, чем в Сочи, — сказала она, наморщив нос. — В Испанию хорошо ехать с любовником, когда романтизм еще в крови играет. Взять машину напрокат и ездить по разным городам. Для нас такое не подходит. Мы с тобой уже старенькие, нам надо что-то поспокойнее. Может, на юг Франции махнем?

— А что, — оживился Павел, — хорошая мысль. Помнишь, как там славно было? Вели тихое растительное существование, отель — пляж, пляж — отель. Ты, правда, все на дискотеки какие-то рвалась, а я тебя удерживал изо всех сил.

— Ну, Павлуша, — рассмеялась Ольга, — в те времена я была существенно моложе. Теперь я постарела и не буду никуда рваться, обещаю.

— С твоей стороны весьма бестактно напоминать мне о возрасте. Мы все-таки в один день родились, не забывай. А я себя считаю еще вполне молодежьким типом. Лёлька, у нас сегодня кто по графику посуду моет?

— А сегодня какой день, четный или нечетный? — спросила Ольга, сосредоточенно наморщив лоб.

— Сегодня среда.

— Тогда ты.

Она составила грязные тарелки в раковину и вдруг возмущенно всплеснула руками.

— Ах ты хитрюга! Так вот почему ты предлагал пойти в ресторан! А еще наивным прикидывался, про роман-

тический порыв что-то плел, притворялся, что не помнишь, кому посуду сегодня мыть! Пашка, я тебя знаю столько, сколько на свете живу, не пытайся меня провести.

Павел покорно повязал передник и взял в руки губку.

— Ладно, — со вздохом пообещал он, — не буду пытаться.

После ужина они посмотрели по телевизору французский фильм и разошлись по своим комнатам спать.

— Лёлька, — сказал на прощание Павел, целуя Ольгу в щеку, — ты самая лучшая женщина на свете. Все мои бабы мизинца твоего не стоят. Когда-нибудь я напишу трактат на тему о том, что такое настоящая любовь.

«Что такое настоящая любовь? — мысленно спрашивала себя Ольга, постепенно проваливаясь в мягкий уютный сон. — Пашка счастливый, он уже знает это. А я, дурочка, все ищу что-то, все перебираю, выбираю...»

* * *

Середина июля неотвратимо надвигалась, до крайнего срока уплаты налогов оставалось всего полтора месяца, а Чистякову так и не удалось собрать нужную сумму. В январе он честно пришел в налоговую инспекцию и подал декларацию о доходах в размере сорока шести тысяч долларов. Ему насчитали такую сумму налога, что в пору было идти и вешаться: все эти сорок шесть тысяч за небольшим исключением поступили от зарубежных университетов и издательств на валютный счет Чистякова в «Инкомбанке», который благополучно лишился лицензии и не выдал доверчивым вкладчикам ни копейки. Всю осень, зиму и весну Настя и Алексей жили в режиме жесточайшей экономии, отказывая себе порой даже в необходимом. Чистяков хватался за любые предложения прочитать платные лекции, Настя же, не имея никакой возможности подрабатывать, вносила посильный вклад в общее дело тем, что перешла на более дешевые сигареты и отвратительный кофе, который стоил существенно меньше, нежели ее любимый «Капитан Колумб». Они очень, очень старались, но все равно...

На 1 июня до необходимой суммы им не хватало 90 тысяч рублей, что в переводе на общепонятный валютный язык означало 4000 долларов. И где ж взять такую сумму обычному старшему оперу с Петровки, 38, и профессору, служащему в госучреждении? Вопрос, ответа не имеющий.

Настя с мужем готовились к последнему отчаянному рывку. Сегодня полковник Гордеев пообещал отпустить Настю в отпуск с 10 июня, и она уже успела позвонить в издательство, где обычно подрабатывала переводчиком во время отпусков. Чистяков тоже взял отпуск и собирался заняться репетиторством, готовя абитуриентов к вступительным экзаменам по физике и математике.

— Лешик, ура! — закричала Настя, врываясь в квартиру. — Колобок меня отпустил!

— Ну слава богу, — облегченно вздохнул Алексей. — А в издательство ты звонила?

— Конечно. Они обещали сегодня-завтра перезвонить мне и сказать, какая есть работа. Лучше бы нашлось что-нибудь французское, все-таки я этот язык лучше знаю, но в крайнем случае возьмусь за английскую книжку или за итальянскую. А как твои успехи?

— Пока никак, но информацию я запустил, будем ждать, когда она принесет свои плоды.

Алексей забрал у нее сумку и невольно охнул:

— Господи, Ася, что у тебя там? Ты стащила со стройки вагон кирпичей?

— Словари купила. Когда Колобок милостиво соизволил удовлетворить мою нижайшую просьбу об отпуске в нарушение графика, я на радостях помчалась в книжный магазин посмотреть новые издания всяких полезных словарей. Ну и купила, разумеется, не смогла удержаться.

— Дорогие? — подозрительно спросил Чистяков, с грохотом ставя сумку на пол.

— Ну, Леш... — заныла Настя, — ну это же для работы.

— Мотовка, — с улыбкой сказал он, — пользуешься тем, что я не могу на тебя сердиться. Будем ужинать или сначала в душ полезешь?

— В душ, — проворчала она, раздеваясь. — Глаза б мои этот душ не видели.

В этом Настя Каменская была права, ванная комната действительно глаз не радовала. Затянутый год назад ремонт был приостановлен, едва начавшись, в связи с приснопамятным 17 августа. Еще полгода после этого посреди квартиры громоздились залежи строительных и отделочных материалов, купленных заранее, но так и не использованных в связи с отсутствием денег на продолжение ремонта, а также с необходимостью откладывать каждую копейку на уплату налогов. От финансовой помощи Настинного брата Александра они категорически отказались, и после нескольких безуспешных попыток всучить им деньги на ремонт Саша явочным порядком пригнал грузовичок с рабочими и вывез весь этот строительный Монблан за город, к себе на дачу. Теперь в квартире можно было свободно поворачиваться, не рискуя что-нибудь развалить или упасть и разбить лоб. Однако сама по себе квартира, подготовленная для несостоявшегося ремонта, производила удручающее впечатление. Ободранные обои и снятая со стен в ванной плитка наводили смутные ассоциации с ветхими домами «под снос», с нищетой, неряшливостью и беспросветностью. Впрочем, надо заметить, что и Настя, и ее муж к такому положению вещей в конце концов привыкли и уже не так остро реагировали на все эти безобразия, тем более что кухню отремонтировать и обставить новой мебелью они все-таки успели. Конечно, гостей в такое разоренное гнездо приглашать нельзя, но с этим вполне можно смириться. Родственники и друзья отнесутся с пониманием, их можно не стесняться, деньги во время кризиса пропали у всех, а людей не столь близких в этой квартире и так почти не бывает. Правда, Алексей собрался давать частные уроки, и сюда придется приглашать учеников...

— Лешик, как же мы сюда людей приглашать будем, а? — грустно спросила Настя, выходя из ванной. — Стыдно же. Профессор, почетный академик, а живешь в таком кошмаре.

— Не комплексуй, — беззаботно откликнулся Алексей, — самое главное — не стесняться. Когда человек стесняется, другие сразу это замечают и начинают приглядываться: а что это такого в нем есть неправильно, порочного, что он так стесняется этого? Я буду вести себя как король на именинах и небрежным тоном всем объяснять, что у меня идет ремонт. Само собой разумеется, что, когда в квартире идет ремонт, она не может быть похожа на царские покои. Окрошку будешь?

Настя уселась на кухне за стол и с наслаждением вытянула отекавшие за день ноги.

— Буду, — сладко протянула она. — Холодная окрошка в такую погоду — это предел мечтаний. Леш, как ты думаешь, в этом году повторится прошлогодний ужас в смысле жары?

— Да все к тому идет, — кивнул он. — Синоптики обещают всю следующую неделю больше тридцати градусов. Аська, я чувствую себя таким виноватым, все нормальные люди во время отпуска ездят куда-нибудь на море или вообще на природу, а ты из-за моих чертовых гонораров вынуждена будешь сидеть в Москве. Но если мы выберемся из этой истории с налогами, я тебе клятвенно обещаю — мы поедем туда, где теплое море, горячий песок и прохладный ветер. Ты мне веришь?

— Верю, — улыбнулась Настя, — только когда это будет? Отпуск за этот год мы используем сейчас, а до следующего лета еще дожить надо. Тем более, не забывай, меня Колобок отпустил в нарушение графика, и в следующем году я буду отдыхать когда угодно, только не летом. Так что ты можешь давать сегодня любые обещания, время их выполнения наступит еще ох как не скоро. Может, пообещаешь мне бразильский карнавал?

Алексей изумленно взглянул на нее и отставил пустую тарелку.

— А ты хочешь в Бразилию на карнавал? Вот не думал, что у моей супруги такие амбиции...

— Нет, на карнавал не хочу, не люблю шумную толпу. И в Бразилию не хочу, лететь долго. Но спросить-то можно?

— Спрашивайте — отвечаем, — отшутился он.

После ужина Настя уткнулась в купленные словари, радостно предвкушая и работу над переводом, и то неоспоримое преимущество отпуска, которое позволяет не вскакивать по будильнику в половине седьмого утра. Однако ее ждало разочарование. Звонок от редактора издательства лишил ее доброй половины радужных иллюзий.

— Очень жаль, но на ближайшие два месяца переводчики не нужны. Все книги уже распределены, но если осенью...

— Нет, у меня отпуск сейчас. Спасибо, извините, что побеспокоила.

Настя повесила трубку и уныло уткнулась глазами в ставший ненужным словарь.

— Сама виновата, — угрюмо сказала она Алексею, — такие работы планируются заранее, надо было еще в марте договариваться.

— Но ты же не знала наверняка, отпустит ли тебя начальник, — принялся утешать ее Чистяков. — И потом, в марте мы еще надеялись, что наберем денег. Не кори себя, Асенька, мы справимся. Зато выспишься как следует и отдохнешь.

Настя захлопнула словарь и решительно потрянула головой.

— Нет, так не пойдет. Мы семья или соседи по коммуналке? Я тоже буду репетитором, зря, что ли, пять языков в голове таскаю? Они там так и валяются без надобности, протухают и покрываются пылью.

— А что? — оживился муж. — Идея богатая.

* * *

В приемной было прохладно и тихо, после семи вечера суета, царящая здесь днем, казалась выдуманной или приснившейся. Огромные часы на стене показывали без десяти восемь. Женя терпеливо ждала. Скоро запахнется обитая кожей дверь, выйдет отец и повезет ее домой.